



# ТАМ, ГДЕ РАСТЁТ ПОЛЫНЬ

•  
*роман о вторых шансах*



ПЕРВАЯ КНИГА СЕРИИ

# Яна Габиева

## Там, где растёт полынь

*<https://litres.ru/74344937>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Марина уезжала из родного города десять лет назад, не оглядываясь — и не попрощавшись с человеком, которому не хватило смелости признаться в главном. Теперь она вернулась всего на три недели: вернуть голос старому органу дома культуры, единственному инструменту такого рода на всю область.

Но город не отпускает так просто. Мать, с которой они не разговаривали по-настоящему десять лет. Тимофей — тот самый, повзрослевший, всё ещё живущий здесь, всё ещё хранящий несказанные слова. И горький, ни на что не похожий запах полыни у обочины — тот самый, что преследовал её все эти годы вдали от дома.

Иногда, чтобы найти будущее, нужно вернуться и наконец договорить то, что осталось недосказанным.

Первая книга серии о вторых шансах, тихих провинциальных городах и людях, которые умеют возвращать голос не только старым инструментам.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 14 |
| Глава 3                           | 21 |
| Глава 4                           | 28 |
| Глава 5                           | 34 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 40 |

**Яна Габиева**

**Там, где растёт полынь**

**ТАМ, ГДЕ РАСТЁТ ПОЛЫНЬ**

*роман*

# Глава 1

Автобус тормознул так резко, что сумка с инструментами съехала с колен и стукнулась о поручень. Марина машинально придержала её рукой, не открывая глаз. Она не спала — просто последние два часа дороги смотрела в окно, где мелькали одинаковые перелески, поля, покосившиеся столбы линий электропередач, и в какой-то момент перестала различать, где заканчивается дрёма и начинается память.

За окном тянулись те же самые виды, что и десять лет назад, только автобус, кажется, стал новее, а дорога — хуже. Она вспомнила, как в шестнадцать лет ехала этим же маршрутом в область на прослушивание, зажав ноты под мышкой, и как мать не поехала с ней, сказав, что дела в доме культуры важнее. Тогда это ранило. Сейчас, оглядываясь назад, Марина уже не была уверена, что помнит все детали правильно — память имеет свойство подкручивать острые углы под удобную ей форму.

Рядом с ней всю дорогу дремала пожилая женщина с корзиной, накрытой полотенцем, из которой пахло свежим творогом, а через проход двое подростков громко спорили о какой-то компьютерной игре — обычная, ничем не примечательная жизнь провинциального автобусного маршрута, которая почему-то успокаивала Марину больше, чем она ожидала. За годы городской жизни она успела забыть, как выгля-

дит эта неторопливость, это отсутствие спешки даже в мелочах.

Она достала телефон, чтобы в последний раз проверить рабочую почту перед тем, как окончательно оказаться вне зоны уверенного покрытия, и наткнулась на письмо от куратора гранта с последними уточнениями по срокам и бюджету реставрации. Три недели. Ровно столько ей отвели на то, чтобы вернуть голос органу, который молчал дольше, чем она сама прожила вдали от этого города.

— Конечная, — буркнул водитель, не оборачиваясь.

Она вышла на асфальт, потрескавшийся ровно там же, где трескался десять лет назад, и первым, что она почувствовала, был запах. Не города — почти забытый, но узнанный телом раньше, чем сознанием: смесь тёплой пыли, скошенной травы за автостанцией и чего-то горького, растущего вдоль обочины. Полынь. Она всегда росла здесь целыми зарослями, никто её не выпалывал, и в детстве Марина обрывала листья просто для того, чтобы потом весь день ощущать этот вкус на пальцах, показывая подругам, какая она смелая — есть горькое просто так, без повода.

Автостанция почти не изменилась: та же деревянная будка кассы, тот же прогнувшийся навес, те же лавки с облупившейся зелёной краской. Только вывеска магазина напротив стала цветной и пластиковой вместо выцветшей жестиной, да возле входа появился банкомат — робкий, но верный признак того, что двадцать первый век всё же добрался

и сюда, пусть с большим опозданием. Марина поймала себя на том, что уже мысленно раскладывает город на «изменилось» и «осталось прежним», будто заполняя реставрационный акт — фиксируя утраты и сохранившиеся элементы, как привыкла делать с инструментами.

До дома культуры было пятнадцать минут пешком, и она пошла, хотя ноги гудели после дороги. Ей нужно было это время — пройти по знакомым улицам одной, без свидетелей, прежде чем встретиться с кем-то из прошлого лицом к лицу.

Улицы отзывались в ней десятками мелких узнаваний: вот дом с резными наличниками, где жила её школьная подруга Оля, давно уехавшая в другой город и почти пропавшая из виду; вот покосившийся забор возле старой аптеки, который так и не починили за десять лет; вот тополь у поворота, который стал заметно выше и толще, отбрасывая теперь совсем другую, более плотную тень на тротуар. Город менялся медленно, почти незаметно, как меняется лицо человека, которого видишь не каждый день, а раз в несколько лет, — вроде бы то же самое, но с трудноуловимой разницей, которую не сразу можешь сформулировать.

Дом культуры стоял на том же месте, где она его оставила, — приземистое кирпичное здание с облупившейся лепниной над входом, но теперь рядом с ним красовалась новая табличка: «Реставрационные работы. Грант Министерства культуры». Марина подошла ближе и позволила себе секунду просто постоять, разглядывая фасад, прежде чем

толкнуть тяжёлую дверь.

Внутри пахло по-другому — сыростью, деревом, немного канифолью, оставшейся, видимо, от старого паркетного пола. Гулкая пустота коридора отозвалась эхом её шагов, и на секунду Марине показалось, что она слышит вдалеке приглушённую музыку, под которую когда-то репетировал мамин ансамбль, — но это, конечно, было лишь воображение, разыгравшееся от усталости. На стенах коридора всё ещё висели старые афиши прошлых лет, выцветшие почти до полной нечитаемости, и одна из них, как ей показалось, сохранила её собственное имя в списке участников школьного отчётного концерта — того самого, последнего перед отъездом.

В большом зале, где когда-то мать выстраивала своих танцовщиц в два ряда, теперь стоял он — тот самый орган, ради которого Марина проделала весь этот путь. Даже в полумраке, затянутый строительной плёнкой в нескольких местах, инструмент производил впечатление: высокий, тёмного дерева, с потускневшими, но всё ещё различимыми позолоченными трубами, выстроившимися рядами, как немой хор. Марина подошла ближе, провела пальцами по резному краю корпуса — под слоем пыли дерево оказалось на удивление тёплым, будто инструмент помнил все годы, когда его касались чьи-то руки.

Она обошла инструмент со всех сторон, невольно оценивая масштаб предстоящей работы уже наметанным глазом:



покосившаяся передняя панель, следы протечки на потолке прямо над самыми верхними трубами, характерный запах отсыревшего дерева, исходящий от нижней части корпуса. Работы было явно больше, чем указывалось в предварительной документации гранта, и Марина, не удержавшись, тихо вздохнула — с одной стороны, с профессиональным беспокойством, с другой — с тем особым азартом, который всегда охватывал её перед сложной, интересной задачей.

Она медленно обошла его, доставая блокнот, начиная привычно фиксировать первые наблюдения — состояние труб, трещины на корпусе, следы влаги на нижней панели — и почти не услышала, как за спиной скрипнула боковая дверь.

— Вы что-то ищете?

Голос был низкий, чуть хриплый, будто человек давно ни с кем не разговаривал. Марина обернулась — и на мгновение блокнот в её руке стал абсолютно неважен.

Тимофей стоял в дверном проёме с охапкой поленьев в руках, в рабочей куртке, испачканной то ли землёй, то ли корой, и смотрел на неё так, словно тоже не сразу поверил глазам. Десять лет добавили ему морщинку между бровей и щетину, которой раньше не было, но что-то в развороте плеч осталось совершенно прежним — та же спокойная тяжесть человека, привыкшего к физическому труду и тишине.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга, и в этой паузе, показавшейся Марине вечностью, промелькну-

ло сразу столько всего — узнавание, растерянность, что-то похожее на испуг, — что она едва не забыла, зачем вообще здесь находится.

— Я работаю здесь, — сказала она первое, что пришло в голову, и тут же поняла, как глупо это прозвучало. — То есть буду работать. Реставрация органа.

— Знаю, — коротко ответил он. — Мне сказали, что придет специалист из области.

В его тоне не было ни тепла, ни враждебности — только ровная констатация факта, будто она была не человеком, которого он знал половину жизни, а строчкой в наряде на работы. Марина не знала, что задело её больше: сама интонация или то, с какой лёгкостью он произнёс это «специалист из области», словно она никогда не была отсюда, словно все годы, прожитые в этом городе бок о бок, стёрлись до одной обезличенной фразы.

— Дрова для котельной, — зачем-то пояснил он, кивнув на поленья, хотя она не спрашивала. — Здание старое, зимой отопление сбоит, если не протапливать заранее.

— Ты... — начала она и запнулась, не зная, какое слово выбрать: «работаешь здесь», «остался», «всё ещё» — любое из них казалось миной, способной взорваться в неподходящий момент. — Ты по-прежнему в заповеднике?

— Смотритель, — кивнул он. — Десять лет как.

Повисла пауза, которая в другой жизни заполнилась бы десятком вопросов — как мама, как дом, как ты сам всё это

время — но между ними стояло что-то более плотное, чем простое незнание подробностей друг о друге. Марина смотрела на его руки, обхватившие поленья, огрубевшие, с вьёвшимися мозолями, и вспоминала совсем другие обстоятельства, при которых видела эти же руки в последний раз — тонкими, мальчишескими, сжимавшими её собственную ладонь на автобусной остановке, с которой она в итоге уехала одна.

— А ты как? — спросил он вдруг, будто через силу заставляя себя произнести эти простые слова. — Всё в порядке?

— В порядке, — ответила она, хотя это было не совсем правдой прямо сейчас, стоя здесь, перед ним, среди пыли и строительной плёнки. — Работаю реставратором. В основном клавесины, органы — старинные инструменты.

— Помню, ты собиралась в консерваторию, — сказал он, и в его голосе впервые проскользнуло что-то живое, не деловое. — Значит, получилось.

— Получилось, — кивнула она. — По-своему.

— Ладно, — сказал он наконец, слегка кивнув, будто закрывая тему усилием воли. — Если нужны будут архивные чертежи по органу — они, кажется, ещё у меня. Отец хранил всю техническую документацию по дому культуры, я так и не разобрал бумаги после него.

— Ты хранишь чертежи органа?

— Я много что храню, — ответил Тимофей, и в этой фразе было что-то, отчего у Марины на секунду перехватило ды-

хание — она не могла понять, показалось ли ей, или за простыми словами действительно стоит совсем другое предложение, куда более личное, чем разговор о старых бумагах.

Он не стал дожидаться ответа. Кивнул ещё раз, обошёл её по широкой дуге, будто нарочно оставляя между ними расстояние, и вышел через ту же боковую дверь, унося поленья. Марина осталась одна посреди зала, рядом со старым инструментом, чувствуя, как колотится сердце совершенно не в такт с деловым тоном их разговора.

Она посмотрела на свои руки — они слегка дрожали. Открыла блокнот, попыталась сосредоточиться на записи первичного осмотра органа, но вместо технических деталей на бумаге само собой вывелось слово, которое она не писала уже очень давно.

«Полюнь», — гласила первая строчка, и только через секунду Марина поняла, что имела в виду не растение у автостанции.

Она захлопнула блокнот, взяла себя в руки и пошла искать зрителя здания, чтобы обсудить условия доступа к инструменту и график работ на ближайшие недели. По дороге она столкнулась с уборщицей, тётей Зиной, которая работала здесь ещё во времена материнского ансамбля и всплеснула руками при виде Марины, запричитав что-то про «повзрослела-то как» и «вылитая мать в молодости», — короткий, тёплый, совершенно необязательный разговор, который тем не менее странно успокоил Марину, напомнив, что не

всё в этом городе было связано с болезненными воспоминаниями.

Работа — вот что должно было стать её щитом на всё это время. Всё остальное подождёт до тех пор, пока она сама не решит, готова ли к этому разговору.

Но, выходя на крыльцо и снова вдыхая горький степной воздух, она поймала себя на мысли, что впереди у неё ещё дорога к материнскому дому — а значит, ещё один разговор, отложить который будет не так-то просто. И что «три недели», которые ещё утром казались вполне разумным сроком командировки, теперь звучали одновременно и слишком долго, и катастрофически мало.

Она постояла ещё немного на крыльце, глядя на пустеющую к вечеру улицу, на редких прохожих, здоровающихся друг с другом издалека тем особым, неторопливым кивком, каким здороваются люди, знающие друг друга всю жизнь, и вдруг с удивлением поймала себя на чувстве, которое никак не ожидала испытать в первые же часы после приезда: что-то очень похожее на облегчение.

## Глава 2

Материнский дом почти не изменился снаружи — тот же синий забор, чуть покосившийся у калитки, те же кусты смородины вдоль дорожки, разросшиеся так, что теперь задевали плечи. Марина остановилась у калитки на несколько секунд дольше, чем требовалось, разглядывая занавески на окнах — плотные, светлые, не те, что были раньше. Хотя что-то новое.

Она стояла так, держась одной рукой за холодный металл калитки, и вспоминала, сколько раз в детстве вбегала в этот двор, торопясь то на репетицию, то с репетиции, то просто уворачиваясь от дождя, — а теперь каждый шаг давался с трудом, будто ноги сами помнили, чего ей будет стоить этот вечер.

Дверь открылась раньше, чем она успела постучать.

Людмила стояла на пороге, вытирая руки о фартук, и с секунду просто смотрела на дочь — не с тем радостным всплеском, который Марина втайне представляла себе в дороге, а с настороженной оценкой, будто перепроверяла, действительно ли перед ней та, кого она ждёт.

— Похудела, — сказала мать вместо приветствия. — В городе не кормят, что ли?

— Здравствуй, мам, — Марина шагнула через порог, чувствуя, как привычно съёживается что-то внутри при первых

же словах. — Кормят. Просто много работы.

— Ну заходи, раз приехала.

Дом внутри пах пирогами и старым деревом — этот запах Марина могла бы узнать даже с закрытыми глазами через тысячу лет. Она поставила сумку у входа и прошла на кухню, где всё стояло на тех же местах: тот же клеённый стол, тот же буфет с треснувшим стеклом, который так и не поменяли, та же выцветшая репродукция с букетом пионов на стене, купленная, кажется, ещё во времена её раннего детства.

— Голодная? — спросила Людмила, уже гремя посудой, не дожидаясь ответа.

Они сели друг напротив друга за стол, и на какое-то время единственным звуком в кухне было позвякивание ложки о тарелку. Марина ела щи, стараясь не поднимать глаз, а мать делала вид, что занята нарезкой хлеба, хотя хлеб был нарезан уже минуты три назад.

— Как добралась? — наконец спросила мать.

— Нормально. Автобус, как обычно, забит.

— Надолго в этот раз?

Вопрос прозвучал ровно, но Марина уловила в нём то, что мать не произнесла вслух: «надолго» здесь означало не количество дней командировки, а совсем другое измерение — то самое, из-за которого они не разговаривали толком уже почти десять лет.

— На три недели. Может, чуть больше, если работы окажется больше, чем я думаю.

Людмила кивнула, отламывая корку хлеба, но не съела её — просто крутила в пальцах.

— Слышала, ты уже была в доме культуры. Город маленький, слухи быстро расходятся.

— Была. Осмотрела орган.

— И как он?

— Плох. Но не безнадёжен, — Марина позволила себе слабую улыбку, впервые за весь разговор. — Как и многое здесь, наверное.

Мать не улыбнулась в ответ, но что-то в её лице чуть смягчилось — едва заметно, будто трещина в старой штукатурке.

— Тимофея видела? — спросила она вдруг, слишком буднично для такого вопроса.

Марина застыла с ложкой на полпути ко рту.

— Видела. Он привозит дрова для котельной.

— Хороший мужчик вырос, — сказала Людмила, глядя не на дочь, а куда-то в сторону окна. — Отца похоронил пять лет назад, мать — ещё раньше. Один в доме живёт, всё заповедником этим занимается. Мог бы давно уехать, специалистов таких везде берут. А он остался.

В этой последней фразе было что-то, отчего Марина отложила ложку.

— Мам, к чему ты это?

— Ни к чему, — Людмила пожала плечами, слишком демонстративно равнодушно. — Просто рассказываю, что в городе происходило, пока тебя не было. Ты же сама не зво-



нишь, не спрашиваешь.

Это был удар исподтишка, замаскированный под невинное замечание, и Марина почувствовала, как в груди привычно закипает раздражение — та самая смесь вины и защитной злости, которая всегда возникала в разговорах с матерью.

— Я звонила, — тихо сказала она. — По праздникам. Ты сама первая трубку не берёшь через раз.

— Потому что мне нечего тебе сказать, когда ты звонишь для галочки, — отрезала Людмила, и в её голосе впервые за вечер прорвалось что-то похожее на настоящую боль. — «Как дела, мам, ну ладно, пока» — это не разговор, Марина. Это отписка.

Повисло тяжёлое молчание. Марина смотрела в тарелку, чувствуя, как к горлу подкатывает ком — не столько от обиды, сколько от узнавания: сколько бы лет ни прошло, они умели ранить друг друга одними и теми же фразами, будто время здесь двигалось по кругу, а не по прямой.

— Я не хочу с тобой ссориться в первый же вечер, — сказала она наконец.

— Я тоже не хочу, — неожиданно тихо ответила мать, и это удивило Марину больше, чем любые упрёки. — Просто отвыкла, что ты рядом. Не знаю, как теперь с тобой разговаривать, чтобы не по привычным рельсам.

Это было, пожалуй, самое честное, что Марина слышала от матери за много лет. Она подняла глаза и на секунду уви-

дела не строгую руководительницу ансамбля, какой запомнила её с детства, а просто уставшую, постаревшую женщину, которая тоже, оказывается, не знала, с чего начать разговор после десяти лет молчания.

— Я постараюсь звонить чаще, — сказала Марина. — По-настоящему, не для галочки.

Людмила ничего не ответила, только кивнула и наконец съела ту корку хлеба, которую крутила в руках всё это время.

После ужина они ещё немного посидели вместе, и разговор постепенно, будто нехотя, свернул на более безопасные темы: кто из соседей переехал, у кого родились внуки, какая в этом году была весна — поздняя, холодная, с заморозками до самого мая. Марина слушала эти незначительные подробности с неожиданным для себя удовольствием, будто они были не пустой болтовнёй, а мостиком, по которому можно было осторожно перейти обратно к нормальному общению.

Позже, убирая со стола, Людмила вдруг спросила:

— А как у тебя вообще с личной жизнью? Замуж не собираешься?

Марина внутренне поморщилась от этой типичной материнской прямолинейности, от которой давно отвыкла.

— Не собираюсь, мам. Работа сейчас на первом месте.

— В твоём возрасте я уже тебя растила одна, — заметила мать, не то с укором, не то просто констатируя факт.

— Времена другие, — коротко ответила Марина, не желая развивать эту тему.

Людмила вздохнула, но спорить не стала — то ли устала за вечер, то ли решила побереечь и без того хрупкое перемирие.

Ночью, лёжа в своей старой комнате — узкой, с выцветшими обоями в мелкий цветочек, которые она в детстве люто ненавидела и мечтала переклеить, — Марина долго не могла уснуть. За окном шумели тополя, где-то далеко лаяла собака, и весь этот привычный ночной звук маленького города укладывал её в сон медленнее, чем городская тишина, к которой она успела привыкнуть.

Она разглядывала знакомый потолок с трещиной в форме неровной молнии, которую в детстве считала своей личной картой созвездий, и думала о словах матери про Тимофея — «мог бы уехать, а он остался» — и понимала, что мать сказала это не просто так. Это был не намёк даже, а прямое послание, завуалированное под бытовую реплику: посмотри внимательнее, подумай, почему он остался, хотя мог не остаться.

Марина закрыла глаза и попыталась не думать об этом. Не получилось.

Она пролежала так ещё около часа, прислушиваясь к тихим звукам засыпающего дома — скрипу половиц под ногами матери, ходившей вниз, шуму воды в трубах, — и незаметно для себя провалилась в сон, полный смутных, неоформленных образов: то ли автобусная остановка десятилетней давности, то ли сегодняшний зал дома культуры с застывшим в дверях Тимофеем, охапкой поленьев в его руках и тем самым взглядом, который она никак не могла за-

быть.

## Глава 3

Утром Марина проснулась от запаха оладий — мать явно поднялась ни свет ни заря, и этот бытовой жест после вчерашнего разговора почему-то тронул её больше, чем любые слова примирения могли бы.

За завтраком они почти не говорили — но молчание уже не давило так, как накануне. Людмила подвинула ей тарелку, буркнула что-то про погоду, и этого хватило, чтобы день начался не с осколков вчерашнего спора, а с шаткого, но перемирия. Марина съела оладьи со сметаной, которую мать по старой привычке подала в маленькой пиале с отколотым краешком — та самая посуда, которой пользовались ещё во времена её детства, ни разу не заменённая на новую.

В дом культуры Марина пришла к девяти, полная решимости с головой уйти в работу — план осмотра, дефектную ведомость, список необходимых материалов. Именно так, как она умела справляться с чем угодно: раскладывая проблему на составные части, пока от неё не оставалось ничего пугающего, только техническая задача.

Орган оказался в худшем состоянии, чем она предполагала по фотографиям в документах гранта. Часть труб заклинило от старости, мехи требовали полной переклейки кожи, а деревянный корпус в нескольких местах повело от многолетних перепадов влажности. Она провела всё утро, пол-

зая с фонариком вокруг основания инструмента, фотографируя каждый дефект, составляя подробную опись повреждений — рутинная, кропотливая работа, которая, тем не менее, приносила ей странное умиротворение: здесь, в мире дерева, металла и старинных механизмов, всё было предсказуемо и подчинялось понятной логике причин и следствий, в отличие от отношений с людьми.

Работы было на все три недели с запасом — и это не считая того, что для полноценной реставрации ей нужны были исторические чертежи, показывающие оригинальную конфигурацию инструмента.

Именно поэтому, вопреки собственному внутреннему сопротивлению, к обеду она набрала номер, который дала ей секретарь дома культуры.

— Гладков, — коротко ответил голос на том конце.

— Это Марина. Северова, — зачем-то уточнила она, будто он мог забыть, кто это, за сутки после их встречи. — Насчёт чертежей органа. Мне правда очень нужно на них взглянуть, если это не проблема.

Пауза на другом конце длилась чуть дольше, чем требовалось для простого делового ответа.

— Не проблема, — сказал он наконец. — Заезжай к дому вечером, часов в семь. Раньше не смогу, весь день на объезде участка.

— Хорошо. Спасибо.

Он повесил трубку без прощания, и Марина ещё несколь-

ко секунд смотрела на телефон, чувствуя нелепое, совершенно неуместное волнение — будто ей снова было двадцать, а не почти тридцать лет, и звонок этот был не про архивные документы, а про что-то совершенно другое.

День до вечера тянулся мучительно медленно. Марина составляла себя сосредоточиться на замерах, фотографировала повреждения, составляла список инструментов, которые нужно будет заказать из области, — но мысли то и дело соскальзывали к предстоящему разговору. В обеденный перерыв она вышла на крыльцо дома культуры, съела бутерброд, наспех собранный матерью с утра, и долго наблюдала за тем, как по улице неторопливо катится редкая машина, а на скамейке напротив две старушки обсуждают урожай помидоров — и эта простая, неспешная жизнь маленького города, от которой она когда-то так отчаянно бежала, вдруг показалась ей странно привлекательной.

Дом Тимофея стоял на самой окраине города, там, где асфальт заканчивался и начиналась грунтовая дорога, ведущая в сторону заповедника. Простой одноэтажный дом, аккуратный, но без излишеств — свежепокрашенные наличники, ровно сложенные дрова у стены, огород за домом, где что-то явно выращивали не для красоты, а для еды. Возле крыльца стояла старая, но ухоженная скамья, а рядом с ней — кормушка для птиц, самодельная, грубовато сколоченная, но добротная.

Тимофей встретил её на крыльце, всё в той же рабочей

куртке, но теперь без поленьев в руках — просто стоял, опираясь плечом о дверной косяк, и наблюдал, как она идёт по тропинке от калитки.

— Не думал, что ты правда позвонишь, — сказал он вместо приветствия.

— Мне действительно нужны чертежи, — ответила Марина чуть резче, чем собиралась, будто защищаясь от того, что стояло за его словами.

— Я не спорю. Заходи.

Внутри дом оказался именно таким, каким она его себе и представляла: простая, функциональная обстановка, минимум мебели, зато книжные полки, забитые до отказа — часть про природу и лесное дело, часть, неожиданно, художественная литература. На стене — несколько фотографий в простых рамках, среди которых Марина узнала пожилую пару — вероятно, его родителей. На одной из фотографий, чуть в стороне от остальных, она с удивлением заметила и себя саму — совсем юную, лет пятнадцати, смеющуюся, стоящую рядом с таким же юным Тимофеем на фоне реки. Она не стала ничего говорить об этом, но сердце дрогнуло от того, что он всё эти годы держал этот снимок на видном месте.

Тимофей провёл её в маленькую комнату, служившую, судя по всему, кабинетом, и вытащил из старого шкафа плотную картонную папку, перевязанную бечёвкой.

— Вот. Отец всё аккуратно хранил, — он положил папку на стол между ними. — Я в этом не особо разбираюсь, если



честно, но, кажется, там есть и оригинальные чертежи, и записи о ремонтах, которые делали раньше.

Марина осторожно развязала бечёвку и начала листать пожелтевшие страницы — старые технические рисунки, написанные аккуратным чертёжным почерком, заметки на полях о состоянии инструмента в разные годы. Это было именно то, что ей требовалось, и профессиональный азарт на мгновение вытеснил всё остальное.

— Это невероятно, — тихо сказала она, разглядывая один из чертежей. — Здесь указана оригинальная схема расположения регистров. Без этого я бы восстанавливала звучание почти вслепую.

— Рад, что пригодилось, — сказал Тимофей, и в его голосе впервые за весь вечер прозвучало что-то похожее на настоящую теплоту.

Они просидели за столом почти час, разбирая документы, и постепенно разговор сам собой сместился от органа к более общим темам — к тому, как изменился город, к тому, чем именно занимается заповедник, к тому, какую работу выполняет реставратор музыкальных инструментов и как Марина вообще пришла в эту профессию.

— Помню, как ты играла на школьных концертах, — сказал Тимофей, разливая чай по чашкам, которые молча принёс из кухни. — Твоя мать всегда так гордилась, хотя вида не подавала.

— Она вообще редко подавала вид, что чем-то гордится,

— усмехнулась Марина. — Скорее находила, к чему придраться, чтобы я не расслаблялась.

— Может, поэтому ты и стала такой хорошей в своём деле, — заметил он. — Привыкла, что похвалу нужно заслуживать по-настоящему.

Марина задумалась над этим наблюдением — ей никогда не приходило в голову рассматривать материнскую строгость под таким углом.

— А ты как справился с потерей родителей? — спросила она осторожно, чувствуя, что тема деликатная, но не желая обходить её стороной. — Мама говорила, что твой отец умер пять лет назад.

Тимофей на мгновение отвёл взгляд.

— Тяжело, — просто ответил он. — Особенно первый год. Дом слишком большой стал казаться для одного. Но заповедник помогал — там всегда есть чем заняться, о чём думать, кроме собственного горя. Лес не даёт заикливаться на себе.

Напряжение первой встречи, не исчезнув полностью, всё же отступило настолько, что Марина поймала себя на том, что смеётся его сухому, неожиданному чувству юмора — тому самому, которое она помнила с юности и о существовании которого почти забыла за годы разлуки. Он рассказал забавную историю о том, как местный турист однажды перепутал заповедник с обычным парком и попытался устроить там мангал прямо под предупреждающим знаком, и Марина

смеялась так искренне, как не смеялась уже давно.

Когда она наконец собралась уходить, за окном уже стемнело.

— Возьми папку с собой, — сказал он, провожая её до двери. — Только верни, когда закончишь. Это единственное, что осталось от отцовского архива.

— Конечно. Спасибо тебе, Тимофей. Правда.

Он придержал дверь, пропуская её на крыльцо, и на секунду они оказались стоящими совсем близко друг к другу в дверном проёме — достаточно близко, чтобы Марина снова уловила тот же холодок узнавания, что и в доме культуры, только теперь, без свидетелей и деловой обстановки, он ощущался куда острее.

— Марина, — вдруг сказал он, и голос его прозвучал иначе — тише, серьёзнее.

— Да?

Он посмотрел на неё долгим взглядом, будто взвешивая, стоит ли говорить то, что собирался.

— Ничего, — сказал он наконец, качнув головой. — Просто рад, что ты приехала.

Марина спустилась с крыльца, чувствуя, как сердце колотится совершенно неровно, и всю дорогу домой, прижимая к себе драгоценную папку с чертежами, думала не об органе, а о том незаконченном предложении, которое так и не прозвучало.

## Глава 4

Следующие несколько дней слились для Марины в плотный рабочий ритм: утром — завтрак с матерью, всё более похожий на обычный, домашний, без острых углов; днём — дом культуры, где она час за часом разбирала орган, сверяясь с отцовскими чертежами Тимофея; вечером — усталость, которая наконец позволяла уснуть без долгих раздумий.

Чертежи оказались настоящим кладом. Благодаря им Марина смогла восстановить оригинальную схему регистров и обнаружить, что часть более поздних «ремонтных» советского времени на самом деле исказили изначальное звучание инструмента — грубо, не заботясь о сохранности исторического тембра. Работа увлекла её настолько, что порой она забывала об обеде, сидя на коленях перед разобранным мехом с клеем и листом бумаги, испещрённым записями.

По вечерам она звонила куратору гранта в область, отчитываясь о ходе работ, а иногда, поддавшись внезапному порыву, задерживалась в зале дольше положенного, просто разглядывая инструмент в тишине опустевшего дома культуры, будто пытаясь расслышать в нём эхо всех тех концертов, что когда-то здесь звучали.

В среду в зал заглянул директор дома культуры — полный мужчина в вязаном жилете, представившийся как Пал Палыч, — и, узнав о нехватке некоторых специфических ма-

териалов для реставрации кожи мехов, вспомнил вслух:

— А вы бы к Гладкову съездили. У него в заповеднике мастерская, он там всякие шкуры да кожи для чучел выделяет, может, что подскажет или материал похожий найдётся.

Марина внутренне поморщилась от того, с какой лёгкостью город сводил все её проблемы к одному и тому же решению — «съезди к Гладкову», — но по существу совет был дельным. Реставрационная кожа стоила дорого и заказывалась долго, а с ограниченным грантовым бюджетом каждая сэкономленная неделя имела значение.

— А давно он этим занимается, выделкой? — спросила она, скорее из вежливости, чем из настоящего любопытства.

— Да с юности ещё, отец его научил, — охотно ответил Пал Палыч, обрадовавшись возможности поговорить. — У нас тут многие в лес ходят, но так, чтобы серьёзно, по науке — таких раз-два и обчёлся. Гладков — толковый специалист, из области к нему за консультациями приезжают.

Она позвонила ему в тот же день, теперь уже без прежней скованности в голосе.

— У меня встречный вопрос будет, — сказал Тимофей, выслушав её. — Могу показать мастерскую, но придётся приехать в заповедник, я туда после обеда возвращаюсь на весь день.

— Хорошо. Как добраться?

— Заеду за тобой сам. У меня всё равно машина, а до кордона на автобусе не доехать.

Марина хотела было возразить, что справится сама, но здравый смысл — и, чего уж скрывать, лёгкое любопытство — взяли верх.

Заповедник оказался совсем не тем, что она представляла себе по детским воспоминаниям о школьных экскурсиях. Тимофей вёл машину по грунтовой дороге уверенно, привычно объезжая колдобины, а за окном тянулся густой смешанный лес, то и дело расступавшийся полянами с высокой некошенной травой. Один раз он резко притормозил и молча указал рукой в сторону кустарника, где Марина, приглядевшись, различила силуэт крупной косули, замершей на мгновение перед тем, как метнуться в чащу.

— Здесь много такого зверья? — с любопытством спросила она.

— Хватает. Особенно ближе к вечеру выходят к водопою, — Тимофей снова тронулся с места. — Я почти каждый день кого-нибудь встречаю. Привыкаешь, но не устаёшь удивляться.

— Красиво здесь, — сказала Марина, разглядывая пейзаж.

— Красиво, — согласился он, не отрывая взгляда от дороги. — Я, если честно, не представляю, как можно было бы жить в другом месте. Пробовал в область перебраться после техникума — не выдержал и полугода. Задыхался там.

— А я наоборот — задыхалась здесь.

Он бросил на неё быстрый взгляд, но ничего не сказал.

Марина сама удивилась, что произнесла это вслух — обычно она держала подобные признания при себе, но с ним, кажется, старые фильтры давали сбой один за другим.

Мастерская оказалась просторным бревенчатым сараем, переоборудованным под рабочее пространство: стеллажи с инструментами, разложенные по видам шкуры и кожи, специфический, но не отталкивающий запах дубильных составов. На стенах висели инструменты, назначение которых Марина могла только предполагать, а в углу стоял старый деревянный станок для растяжки кожи, судя по виду, доставшийся ещё от отца.

Тимофей уверенно ориентировался среди своего хозяйства, доставая образцы, объясняя технологию выделки — и Марина с удивлением поняла, что слушает его с неподдельным интересом, а не просто из вежливости. Он говорил о своём деле с той же увлечённостью, с какой она сама рассказывала бы о реставрации редкого клавесина, — и эта параллель не ускользнула от неё.

— Вот эта подойдёт лучше всего, — сказал он, протягивая ей кусок мягкой, обработанной кожи. — Плотность похожа на ту, что обычно используют для мехов старых органов. Могу выделать ещё, сколько нужно, — время есть.

— Это было бы просто спасением, — искренне ответила Марина, ощупывая материал. — И бюджету, и срокам.

Они устроились на грубой деревянной скамье у входа в мастерскую, чтобы обсудить детали — сколько кожи пона-

добиться, к какому сроку, — но разговор, как это уже случалось между ними, постепенно ушёл от практики к более личным темам. Тимофей рассказал, как отец приучал его к этому ремеслу с детства, как после школы он не сразу решился остаться в заповеднике — были мысли об институте, о городской жизни, — но что-то внутри всегда тянуло назад, к тишине, к лесу, к делу, где результат виден собственными руками, а не абстрактными отчётами.

— Мама всегда переживала, что я не поступил никуда, — признался он. — Считала, что я хороню способности в этой глуши. А мне здесь было спокойно. Не знаю, как объяснить это тем, кто не понимает.

— Я понимаю, — тихо сказала Марина. — У меня похоже, только наоборот: мама переживала, что я уеду, а не что останусь.

— А ты не жалеешь? — вдруг спросила она сама себя вслух, но обращаясь уже к нему. — Что осталась таким... специфическим специалистом. Реставратор органов — работы, наверное, немного по стране.

— Не жалею, — честно ответила она, поймав себя на путанице местоимений и невольно улыбнувшись. — Просто иногда одиноко. Мало кто понимает, зачем убивать месяцы жизни на один инструмент, который потом от силы сто человек услышат вживую.

— Я понимаю, — тихо сказал Тимофей. — Я тоже занимаюсь чем-то, что мало кто ценит по-настоящему. Люди при-



езжают на пикник, фотографируют закат — и уезжают, даже не задумываясь, сколько работы стоит за тем, чтобы этот лес вообще существовал в таком виде.

Их взгляды встретились, и в этот момент, без слов, между ними проскользнуло узнавание — то самое чувство, что где-то в глубине они с самого начала были устроены очень похоже: люди, вкладывающие огромный труд в вещи, которые большинство просто не замечает.

Марина отвела глаза первой, чувствуя, как щёки предательски теплеют.

— Мне, наверное, пора возвращаться, — сказала она. — Мама, наверное, уже ужин готовит.

— Конечно, — Тимофей поднялся, отряхивая руки от опилок. — Отвезу.

Всю дорогу назад они молчали — но это молчание было другим, чем в первый день их встречи: не колючим, а плотным, наполненным чем-то, чему пока не было названия. Один раз их руки случайно соприкоснулись на переключателе передач, и оба одновременно отдёргнули их, будто обжёгшись, а затем неловко засмеялись — впервые за долгое время смеясь просто так, без причины, от одной только неловкости момента.

## Глава 5

Кожу Тимофей привёз сам через два дня — приехал прямо к дому культуры под вечер, когда Марина уже собиралась уходить. Аккуратно выделанные полосы материала он передал ей, отказавшись даже заходить внутрь надолго, сославшись на дела в заповеднике, но за секунду до того, как сесть в машину, вдруг спросил:

— Ты вечером свободна?

Марина растерялась.

— Наверное. А что?

— Хочу показать одно место. Помнишь старую беседку у реки, за парком? Мы туда мальчишками бегали.

Она помнила. Слишком хорошо помнила — именно там, у полуразрушенной деревянной беседки, заросшей диким виноградом, они однажды подростками просидели целую ночь, разговаривая обо всём на свете, пока над рекой не встало солнце. Это было задолго до того дня, когда всё оборвалось её внезапным отъездом.

— Хорошо, — сказала она прежде, чем успела как следует обдумать ответ.

Весь оставшийся день Марина ловила себя на том, что то и дело поглядывает на часы, а руки, занятые привычной работой над реставрацией мехов, слегка подрагивают — не от усталости, а от предвкушения, в котором она не хотела при-

знаваться даже самой себе.

Беседка оказалась почти такой же, какой она её помнила, — покосившейся сильнее прежнего, с прогнившими досками пола, но всё ещё стоящей, всё ещё увитой зеленью. Вечернее солнце пробивалось сквозь листву дикого винограда пятнистыми бликами, а река внизу тихо шумела на перекаате — тот самый звук, под который Марина когда-то училась думать о будущем без страха.

Тимофей расстелил на скамье старое одеяло, достал из рюкзака термос с чаем — простой, почти детский жест, но от этого не менее трогательный.

— Помнишь, как мы сюда всё лето бегали? — спросил он, разливая чай по кружкам.

— Помню. Ты рассказывал мне про птиц, которых видел в заповеднике, а я вечно жаловалась на маму, — Марина усмехнулась, качая головой. — Ты был единственным, кто меня тогда действительно слушал.

— А ты была единственной, с кем я мог молчать, не чувствуя неловкости, — тихо ответил он. — Знаешь, как редко это бывает — найти человека, с которым можно просто сидеть рядом и ничего не говорить, и это будет нормально?

Они немного помолчали, слушая шум реки, и Марина вдруг с удивлением поняла, что это молчание — то самое, о котором он только что говорил, — вовсе не тяготит её, а, наоборот, кажется единственным по-настоящему спокойным моментом за последние дни.

— Знаешь, а я ведь помню день, когда мы сюда впервые пришли, — сказала она вдруг. — Мне было четырнадцать, и я разревелась после того, как мама раскритиковала моё выступление на смотре. Ты нашёл меня плачущей за домом культуры и просто повёл сюда, не сказав ни слова.

— Помню, — кивнул Тимофей. — Ты тогда сказала, что никогда не станешь такой, как она. Такой требовательной, никогда не довольной.

— И стала реставратором, а не исполнителем, — с иронией заметила Марина. — Кажется, где-то на этом пути я всё же от неё убежала. В прямом и переносном смысле.

Разговор постепенно подходил к той черте, которую они оба старательно обходили последние несколько дней.

— Тимофей, — сказала она осторожно. — Тот вечер, перед моим отъездом... Я никогда толком не объясняла, почему уехала так, без прощания.

Он замолчал, глядя на реку.

— Не обязательно объяснять сейчас, — сказал он наконец, хотя по голосу было ясно, что ему очень хочется услышать ответ.

— Нет, обязательно, — она заставила себя продолжить, хотя горло сжималось от волнения. — Я тогда была уверена, что если увижу тебя перед отъездом, то не смогу уехать. А мне надо было уехать — иначе я бы навсегда осталась той девочкой, которая делает, что скажет мать, и живёт той жизнью, которую ей выбрали, а не той, которую хочет сама.

— И поэтому ты просто исчезла. Оставила записку и всё. В его голосе не было злости — только застарелая, тщательно спрятанная боль, всплывшая на поверхность впервые за десять лет.

— Да, — тихо признала Марина. — Это было трусостью. Я знаю.

Тимофей долго молчал, вертя в руках кружку с остывающим чаем.

— Я тогда две недели ходил к автобусной остановке каждый вечер, — сказал он наконец, не глядя на неё. — Знал, что глупо, что ты уже далеко, но всё равно ходил. Мне казалось, что если я приду достаточно много раз, время как-нибудь повернётся вспять, и ты снова там окажешься, и я успею сказать то, что должен был сказать раньше.

У Марины перехватило дыхание.

— Что сказать?

Он наконец повернулся к ней, и в сумеречном свете, падавшем сквозь листву беседки, его лицо было абсолютно серьёзным.

— Что я тебя люблю, — просто сказал он. — Любил тогда. Не как друга. Собирался сказать это в тот самый вечер, когда ты уехала на день раньше, чем мы договаривались.

Марина почувствовала, как у неё защипало в глазах.

— Я не знала, — прошептала она. — Если бы знала...

— Что бы изменилось? — перебил он, но без горечи, скорее с искренним любопытством. — Ты бы осталась?

Она честно задумалась над этим вопросом, впервые позволив себе представить альтернативную версию своей жизни.

— Не знаю, — наконец сказала она. — Возможно, нет. Мне правда нужно было уехать тогда, чтобы стать собой. Но я бы, по крайней мере, не сбежала как трусиха. Я бы попрощалась по-человечески. Сказала бы, что чувствую то же самое.

Слова повисли между ними в вечернем воздухе, тяжёлые от десятилетнего груза недосказанности.

— То же самое, — тихо повторил Тимофей. — Значит, я тебе не показался.

— Ты мне никогда не казался, — ответила Марина, и это была чистая правда, впервые произнесённая вслух за все эти годы.

Он протянул руку и осторожно коснулся её пальцев, лежащих на скамье между ними — не хватая, просто касаясь, будто проверяя, реально ли это происходит.

— Что нам с этим теперь делать? — спросил он. — Через две с половиной недели ты уедешь обратно.

Марина посмотрела на их сомкнутые руки, на реку за беседкой, на первые звёзды, проступающие в темнеющем небе, и честно призналась себе, что не знает ответа.

— Не знаю, — сказала она вслух. — Но, кажется, я больше не хочу делать вид, что между нами ничего нет. Что бы дальше ни случилось.

Тимофей ничего не ответил — просто крепче сжал её пальцы, и они ещё долго сидели так, глядя на реку, впервые за десять лет не убегая от собственных чувств. Луна поднялась над кронами деревьев, отражаясь в воде мелкой рябью, а где-то на другом берегу закричала одинокая ночная птица, но ни один из них не спешил нарушить эту тишину словами — она была слишком ценной, слишком долгожданной, чтобы разменивать её на что-то ещё.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.